
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА ЕВРОПЕЙСКОГО ЗАПАДНИЧЕСТВА

А.В. Шабага

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/1, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается проблема возникновения и развития идеи европейского западничества, как одного из полиидентификационных оснований западно-европейских исторических субъектов. При этом идентичность исторического субъекта рассматривается в парадигме социального окна, согласно которой переход обществом из одного социального континуума в другой осуществляется посредством осознанного выбора одной из эвентуальных возможностей, основанных на конструкторе ментального пространства.

Ключевые слова: западничество, Европа, идентичность, исторический субъект, социальное окно.

В последнее время проблема идентичности исторических субъектов вновь стала весьма актуальной. Особенно характерно это для стран европейского запада. Их руководство изо всех сил пытается внедрить в сознание своих граждан представление об общем социальном и общественном прошлом, которое должно являться залогом общих ценностей и ориентиров дальнейшего развития данного региона. Для этого была изобретена даже специальная дисциплина «Европоведение» (european studies), которая, в силу приписываемого ей большого идеологического значения, активно предлагается для специального изучения в западно-европейских учебных заведениях. Одной из целей этой дисциплины является пропаганда новой «европейской» идентичности (противостоящей прочим идентичностям, со всеми вытекающими отсюда международными последствиями — системой военно-политических союзов, пропагандой собственного государственного устройства, финансово-экономических предпочтений и т.п.).

Однако, во-первых, Европа, о которой там идет речь, по сути, представляет собой лишь западную и центральную часть континента. Во-вторых, в силу того, что в этой части определяющим (как в сфере политики, так и в сфере идеологии) является мнение стран, идентифицирующих себя как «Запад», european studies базируются и пропагандируют, прежде всего, так называемые «западные» ценности. В этой связи представляется интересным выяснить начальную природу «западной» идентичности, оставляя без внимания ассоциации со странами мрака и заката, которые возникали на протяжении тысячелетий (от неизвестных финикийцев до вполне известного О. Шпенглера).

Но для начала объясним, что такое идентичность с нашей точки зрения. Под идентичностью мы понимаем отождествление или высокую степень соотнесенности некоего социального феномена (в нашем случае исторического и международного субъекта) с кем-то или чем-то. Под соотнесенностью мы подразумеваем приписывание кого-то или чего-то к какому-то классу или множеству. Например,

высказывание „Инсбрук — австрийский город“ указывает на то, что Инсбрук является одним из множества городов Австрии и потому может быть идентифицирован в качестве части такого исторического субъекта, как Австрия. Под «высокой степенью соотнесенности» мы подразумеваем то, что Инсбруку свойственна не только австрийская идентичность. В XIII—XIV вв. он был столицей независимого Тироля, в настоящее время является главным городом федеральной земли Тироль, и потому может быть идентифицирован как тирольский город. При таком положении вещей, когда один и тот же субъект входит в разные множества и даже, как показывает пример с Инсбруком, одно или несколько множеств, в которые он входит, может или могут быть подмножеством другого множества, вопрос о его идентичности должен решаться в соответствии с коннотатом субъекта. Если в ходе исследования под историческим субъектом мы будем понимать Тироль, то его идентичность должна восприниматься, прежде всего, как тирольская. В ином случае, когда мы рассматриваем в качестве субъекта Австрию, Инсбрук следует идентифицировать как один из элементов этого субъекта. Но список этим не исчерпывается, так как мы с равным успехом можем делать акцент на европейской, западно- или центральноевропейской идентичности Инсбрука, приписывать его к субъектам немецкой или католической культуры и т.д. Другими словами, рассматривая вопрос о соотнесенности исторического субъекта с неким феноменом, мы должны иметь в виду, что всякий социальный субъект с неизбежностью имеет полиидентичную природу.

Разберем это утверждение на примере человека. Его идентичность складывается из целого ряда самосоотнесений. Во-первых, он соотносит себя с собой: я — это моя индивидуальность. Во-вторых — с семьей, в третьих — с этносом, в четвертых — с конфессией, в-пятых — с государством, в-шестых — со страной и т.д. Таким образом, если некий человек стал одним из ведущих акторов исторического процесса, у нас есть все основания сомневаться в том, что идентичность этого исторического субъектом предельно однородна. Все это в равной степени относится и к другим историческим субъектам (странам, государствам, организациям и т.п.). Другое дело, что в этом случае могут быть некоторые отличия. Например, «страной» для государства может быть принадлежность к СНГ или «Большой восьмерке», а для организации принадлежность к тому или иному объединению. Скажем, вхождение одной из социалистических партий в Социалистический интернационал. Отметим при этом, что полиидентичная природа исторических субъектов отнюдь не означает, что эти субъекты напрочь лишены идентификационного единства. Другое дело, что проявляемое субъектом единство обеспечивается иерархией (подчас весьма жесткой) идентификационных качеств.

Возьмем в качестве примера Великобританию, которую обычно называют Англией. И это не случайно, хотя многим известно, что Англия составляет лишь одну из ее четырех частей. Объяснение этого явления заключается в том, что система ценностей, присущая англичанам, является доминирующей во всех частях Великобритании (хотя и в разной мере). Следующими идентификационными характеристиками (после этнических ценностей) современной Великобритании являются демократия (хотя и в довольно экзотическом двухпалатном варианте, где

наряду с палатой общин присутствует палата лордов), монархия, принадлежность к «Большой восьмерке» (как мировая держава), принадлежность к Европейскому Союзу и т.д. Мы выстроили характеристики именно в таком порядке, так как полагаем, что англичане скорее согласятся остаться англичанами при диктатуре (что не раз бывало), чем, сохранив демократию, стать французами (чего не было никогда). Равно как и история становления английской системы демократии заставляет нас предположить, что англичане скорее откажутся от института монархии (что бывало), чем от института демократии. В то же время вхождение или невхождение в «Большую восьмерку» имеет для Англии меньшее значение (в силу того, что это скорее почетное членство), чем сохранение многовековой традиции королевской власти. Из этого следует, что идентичность исторического субъекта обычно покоится на некоем основании, своеобразном идентификационном базисе, поверх которого затем возникают другие наслоения, совокупность которых в результате приобретает вид, который можно уподобить пирамиде или конусу. А в целом эта совокупность и определяет идентификационное лицо исторического субъекта. Для государства идентификационным базисом обычно является этнос, для организации — направление деятельности или идеология и т.д. Из этого следует, что от Великобритании, как исторического субъекта, ожидают, что ее внешняя политика будет прежде всего соответствовать традиционным английским ценностям, а также представлениям, основанным на притязаниях на статус великой западноевропейской державы.

Стоит, правда, отметить, что бывали случаи, когда исторический субъект Великобритания не был последователен в воплощении английских ценностей, что свидетельствует о том, что между различными идентификационными составляющими исторического субъекта возможен «конфликт». Это является, на наш взгляд, показателем того, что идентификационный вектор исторического субъекта подчас носит ситуативный характер. Рассмотрим это на конкретном примере. Во второй половине 30-х гг. XX века англичанам очень не хотелось воевать в нацистской Германии за своих союзников в Центральной Европе. Ибо они вступили с ними в союз лишь затем, чтобы те воевали с Германией или СССР за их английские интересы. Поэтому, отбросив предложения СССР о совместном противодействии нацистам, тогдашний английский премьер Н. Чемберлен сдал немцам в Мюнхене (1938 г.) Чехословакию, в одночасье предав как союзника, так и демократические идеалы. Возвратившись в Лондон, Н. Чемберлен сделал упор на то, что, отказавшись от борьбы за «надстроечные» элементы (демократию, державный статус и др.), он добился главного. Объявляя, что привез мир нынешнему поколению, он обращался прямо к народу, апеллируя к иерархии идентификационных составляющих. В данном случае иерархичность, по мнению премьера, заключалась в том, что сохранение английской нации важнее отстаивания идеалов демократии и помощи, наивно полагавшимся на англичан союзникам (В выступлении по радио 27.09.1938 г. Н. Чемберлен выразился так: «Сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь по-

тому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно»). И лишь когда, после Чехословакии, жертвой нацистов стал очередной союзник — Польша, английское правительство, не желая окончательно ронять свое «идентификационное лицо», объявило войну Германии. Правда, никаких решительных действий по спасению своего союзника оно не принимало (эту войну называли «Странной»), до последнего надеясь, что Гитлер, наконец, «одумается» и направит свои орды на Восток. Можно приводить и другие примеры идентификационных конфликтов внутри того или иного исторического субъекта. Чтобы не слишком множить число сущностей, приведем лишь один пример. Однажды президента Ф. Рузвельта спросили, почему Соединенные Штаты поддерживают кровавого никарагуанского диктатора А. Сомосу. Ответ известного демократа был необычен: «Конечно, Сомоса сукин сын. Но он наш сукин сын!». Таких «сукиных сынов», доводящих своих сограждан до нищеты, Соединенные Штаты, позиционирующие себя как образец демократии, поддерживали в течение многих десятилетий. Что касается клана Сомосы, то его представители бежали из Никарагуа только в 1979 г, когда конгресс США решил отказать ему в поддержке.

Из этих примеров следует, что противоречия, определяемые полиидентичной природой исторического субъекта не столь уж редки. Такое положение вещей объясняется тем, что любой исторический субъект, являясь прежде всего социальным субъектом, не может быть однороден в идентификационном отношении (даже если речь идет об отдельной личности). В силу этого под его идентичностью мы должны понимать соотнесение с неким понятием или явлением, которые содержат указание на ту комбинацию ценностей, что является определяющей для действий исторического субъекта. При этом следует иметь в виду, что эта комбинация может быть многоуровневой в темпоральном отношении. Рассмотрим это на случае с У. Черчиллем, который в свое время сказал, что стал премьером не для того, чтобы присутствовать при распаде Британской империи. Как истолковывать эту программу действий одного из влиятельнейших исторических субъектов той эпохи? В духе имперской идентичности, идущей от его предка времен королевы Анны — знаменитого герцога Мальборо, который в начале XVII века воевал с французами за «испанское наследство»? Или же, как естественное желание, отличающее большинство политиков, сохранить то, что получил от предшественника без существенных потерь? Вполне вероятно, Черчилль имел в виду и то, и другое.

Но наличие, по крайней мере, двух образцов для самосоотнесения позволяет предполагать, что выбор историческим субъектом того или другого (или обоих сразу) может быть связан с конкретной ситуацией, в которую был вовлечен субъект. Из этого следует, что даже при минимальном выборе существует вероятность внутреннего или внешнего идентификационного конфликта. Возьмем в качестве примера СССР. Его воспринимали и как естественного продолжателя политики Российской империи, и как совершенно новое, прежде небывалое и противоречащее прежним русским ценностям явление — коммунистическое государство.

Надо сказать, что такое двойственное восприятие этого исторического субъекта было характерно не только для западных европейцев. Достаточно указать на то, что в самом Советском Союзе читались многочисленные курсы (для которых выпускалась масса литературы) под названием «История СССР периода феодализма». И с этим не спорили, хотя каждому было ясно, что когда был феодализм, не было СССР и наоборот.

Или другой пример. В 1574 г польский король Генрих, не желая больше править этой страной, напоил свою свиту и охрану, чтобы она не могла удержать его в Польше, и бежал в свою родную Францию. Наступил период бескорольевья. В конце концов на престол был выбран трансильванский князь Стефан Баторий. Не входя в излишние подробности его деятельности, укажем, что, с одной стороны, он проводил политику укрепления польско-литовского государства, а, с другой, предпринимал шаги, которые должны были привести к объединению под властью его младшего брата Трансильвании и Венгрии. Создание на южных границах мощного государства вряд ли было бы полезно польско-литовскому государству, поскольку слишком явно противоречило его интересам. Но это нисколько не смущало короля, ощущавшего себя и трансильванцем, и поляком одновременно (одним по рождению и воспитанию, другим по должности и обязанностям). Феномен подобных идентификационных конфликтов позволяет нам поставить вопрос о том, в силу чего у исторических субъектов возникает потребность в идентичности? На наш взгляд, причина состоит в том, что историческому субъекту онтологически присуща потребность отличать себя от другого и заявлять о своей индивидуальности.

Поэтому, возвращаясь к вопросу о так называемой «западной» идентичности, принадлежать к которой в последнее время считает для себя выгодным все больше стран, попытаемся ответить на вопрос: является ли географическая характеристика простым маркером, благодаря которому в пределах одного континента легко провести идентификацию исторических субъектов по сторонам света? Или же в понятие «Запад» вкладывается нечто большее, позволяющее приписывать входящим в него субъектам особые телеологические основания, реализация которых воплотилась в уникальный цивилизационный продукт, который мог проявиться только на этой территории? Для того, чтобы дать внятный ответ, необходимо исследовать природу этой идентичности, которая на наш взгляд, тесно связана с особенностями идентификационных процессов у германских народов, заложивших в V—VII вв. основы многих современных европейских государств. И потому, исследуя некоторые аспекты социально-политического развития германцев, попытаемся объяснить, каким образом западноевропейские народы оказались там, где мы их застаем сейчас и в силу каких причин возникло европейское «западничество»?

Для начала дадим общее представление о генезисе германцев. Германские племена выделились из славяно-германо-балтской общности примерно в VII в. до нашей эры. Их появление в качестве особого исторического субъекта связывают с так называемой «Ясторфской археологической культурой», названной по име-

ни одной современной северогерманской деревни. Во II века до н.э. германские племена, стремясь расширить среду своего обитания, заселили Южную Скандинавию, а затем, двинувшись на юг, даже попытались вторгнуться в Италию. Но здесь они встретили жесткий отпор римлян, что, однако, не подействовало на германцев отрезвляюще. В течение последующих веков они предпринимают безуспешные попытки пробиться из своих лесов за Рейн и Дунай. Для заселения этих территорий у них были весьма веские основания — это были хорошо возделанные земли с многочисленными и богатыми городами. Но их желания оказалось слишком мало. Ибо римляне воздвигли на их пути вал. Этот вал пересекал весь европейский Запад (римляне называли его *limes*) и надежно защищал империю от варварских вторжений. Тогда готы — одно из германских племен, обитавших на юге современной Швеции и острове Готланд — решили попытаться счастья на востоке континента. Они переплыли Балтику и, продвигаясь бассейном реки Припять, достигли в III веке среднего течения Южного Буга. Результатом этой экспансии германцев стало создание готского государства в Северном Причерноморье, восточные границы которого доходили до современной Тамани. В научной литературе это государство обычно называют по имени наиболее удачливого его правителя — Германариха. Если верить готскому историку Иордану, у его соплеменников неплохо шли дела и на севере, где им удалось подчинить часть восточно-славянских племен: «После поражения герулов тот же Германарих повел войско против венетов; хотя они и неопытны в военном деле, но за счет своей многочисленности пытались сначала сопротивляться. Однако никакое множество невоенных людей не может устоять без Божьей помощи против вооруженной силы. Венеты разделяются на три части: венетов, антов и славян; все они теперь, за грехи наши, свирепствуют против нас, а тогда все признавали над собой власть Германариха» [2]. Весьма возможно, что Иордан не слишком приукрашивает действительность. Во всяком случае, в «Слове о полку Игореве» тоже есть упоминания о том, что славяне некогда признавали власть готов. Его автор приписывает крымским готам (потомкам причерноморских готов, проживавшим в XII веке в горном Крыму) сочувствие половцам, выраженное в желании повторения событий, предположительно относившихся к IV веку, когда готы истребили вождей славянских племен во главе с Божем (Бусом): «Се бо готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня русьскымъ златомъ: поють время Бусово, лелеють месть Шароканю» [5. С. 78].

Процветание «государства Германариха» неожиданно закончилось в 375 году, когда на него напал племенной союз, возглавляемый гуннами (выходцами из пограничных с Монголией степей), и готская пехота была разгромлена гуннской конницей. В результате та часть готских племен, которая проживала на северо-востоке «государства Германариха» (так называемые остготы), была включена в состав гуннской орды, которая смела на своем пути все римские валы, увлечена ею в Центральную Европу и, после распада гуннской державы, образовала государство на Севере Италии. Готские племена, занимавшие юго-запад «государства Германариха» (вестготы), попытались найти убежище в пределах Римской импе-

рии и устремились к Дунаю. В дальнейшем они, будучи направляемы императорами то в один, то в другой регион, осели, наконец, на Пиренейском полуострове, где сыграли важную роль в идентификационном становлении Испании и Португалии. Таким образом, все самостоятельные попытки германских племен прорваться на Запад были обречены на неудачу. Но пришли гунны и буквально втолкнули германцев в вожделенное западно-европейское пространство. При этом гунны загнали туда даже тех, кто попытался обосноваться на Востоке. Сейчас мы можем только предполагать, что было бы, если гунны не сокрушили днепровскую Готию и не нанесли Римской империи серьезные удары на Востоке и смертельные на Западе? Сохранилось бы германское государство в причерноморских степях или было бы включено в состав Древнерусского государства? Сумели бы германцы все-таки пробить римский лимес в одиночку? Рассуждать на эти темы мы здесь не будем, лишь обратим внимание на два аспекта, имеющих, на наш взгляд, существенное отношение к формированию идентичности европейских и неевропейских международных субъектов. Во-первых, германцам явно очень хотелось попасть на европейский Запад (хотя и Востоком, как мы видели, они тоже не пренебрегали). Это следует из того, что они в течение пяти веков вели войны, преследующие именно эту цель. То что такая цель может быть у целого народа, было некогда подмечено еще Л.П. Карсавиным. В своих размышлениях о связи истории с географией он допускал существование у этноса четкого представления о том, в какие места ему следует переселиться [4. С. 32]. Если придерживаться этой точки зрения, можно заключить, что желаемое для многих древнегерманских народов социальное пространство после их перемещения на Запад Европы совпало с географическим пространством. В качестве показателя здесь может выступить то обстоятельство, что, невзирая на собственные представления о «родовом» обустройстве пространства, сильнейшим образом повлиявшие в дальнейшем на специфику организации Европы, социальное развитие германских племен, осевших на территории бывшей Римской империи, вскоре совпало с развитием прежнего — позднеантичного — общества. Вновь образованные «варварские» общества продолжили развитие в сторону феодализма, что совпало не только с динамикой социального развития Западной Европы IV—V вв., но и современной ей Восточной части Римской империи. Заслуживает внимания то, что, приобщившись в завоеванном пространстве искомым норм и ценностей, они стали активно вовлекать в него и своих нецивилизованных братьев. Англо-саксы поработали «некультурных» валлийцев, франки — ту часть саксов, которую почему-то не привлекала завораживающая перспектива западноевропейского мира. В культуртрегерском порыве «великий европеец» Карл Великий в течение 25 лет неутомимо истреблял своих братьев саксов. Вероятно, он воспринимал их как отщепенцев германского мира или лентяев, которые, подобно ленивой части готов, остались в Скандинавии, вместо того чтобы посредством доблестных деяний приобщиться к достижениям античной культуры.

Теперь о втором аспекте. Можно посмотреть на «западную» идентификацию германских народов, как на процесс в каком-то смысле вынужденный. Ибо все

попытки германцев закрепиться на Востоке, куда с натяжкой можно отнести даже их попытки захвата восточной Прибалтики — от Финляндии до Польши, — оказались обречены на провал. Если продолжать эти рассуждения по поводу целей и возможностей, то мы увидим, что, колонизировав европейский Запад, германские племена, точнее народы, произошедшие от этих племен, продолжали продвигаться в западном направлении (используя уже морской способ передвижения). И там они расселились на целом континенте, в то время как все их попытки закрепиться в странах Востока (от арабских стран до Китая) закончились неудачей.

Поэтому, рассматривая проблему западной идентичности народов германского корня с телеологической точки зрения, можно прийти к предварительному выводу, состоящему из двух пунктов. С одной стороны, современные претензии германских народов на их западную идентичность вполне положительно доказываются их стремлением к переселению на пространства Западной Европы. Даже вестготы, поселенные императором сначала в Иллирии (на Адриатике), видимо сочли это место недостаточно западным и двинулись дальше. Их путь на Запад был не только тяжел, но и очень извилист. Если его описывать, используя названия современных стран, то они прошли по такому маршруту: Украина — Молдавия — Румыния — Болгария — Греция — Сербия — Хорватия — Словения — Италия — Франция — Испания. Путь остготов пролегал несколько иначе: Украина — Венгрия/Австрия — Германия — Италия. За готами последовали франки, захватившие оставшуюся без римской защиты Галлию; англосаксы, оккупировавшие Британию вскоре после того, как римляне в самом начале V века вывели оттуда свои легионы, чтобы противостоять тем же готам, угрожавшим Италии. Кроме того, на Запад двинулись бургунды, лангобарды, свевы, вандалы и т.д. С другой стороны, одного стремления германцам оказалось недостаточно. Для того, чтобы реализовалась их вековая мечта, с другого конца Евразии должны были прийти гунны. Именно они открыли для народов европейский Запад, в том числе, например, и для ираноязычных алан, растворившихся затем среди населения Пиренейского полуострова. Но лишь для стремившихся на Запад германцев нашествие гуннов создало то окно социальных возможностей, посредством которого им удалось резко изменить свою идентичность.

Древние германцы это вполне осознавали, о чем свидетельствуют распространившиеся с VI в легенды, из которых к XIII веку сложился эпос — «Песня о Нибелунгах». В этом эпосе гунны, и в особенности их король Этцель, в котором легко угадывается Атила, выведены, как народ, оказывавший огромное влияние на судьбу германских племен. Но особую роль гуннов Аттилы в судьбе германцев в дальнейшем осознавали лишь центрально-европейские германцы (немцы), в то время как англо-саксы пытались увязать свою идентичность с кельтами Артура. Приведем наглядный пример. На гуннов, в качестве образца, указал в своей знаменитой «Гуннской речи» (Hunnenrede) кайзер Вильгельм II. Выступая в 1900 г. в Бремерхафене по поводу германских захватов в Китае, он призывал своих подданных предстать перед миром подобно гуннам Аттилы, которые, согласно немецким преданьям, прославили себя во веки веков [1. Р. 212]. На эту речь

вскоре откликнулся Р. Киплинг, опубликовавший стихотворение «The Rowers». Из этого стихотворения явствовало, что, в отличие от континентальных германцев и их потомков, готская идентичность представлялась англо-саксам весьма негативной, не говоря уже о гуннской. Киплинг использует и ту, и другую как ругательную, обвиняя в последней строке своего произведения каждого из немцев в том, что он гот и бесстыжий гунн («the Goth and the shameless Hun!»).

Для того, чтобы сделать выводы по поводу того, по какой причине германские народы в целом (или немцы, в частности) пытались приписать себя к «западным» народам, видя в этом качественный идентификационный критерий, сошлемся в качестве доказательства на уже упомянутого нами Р. Киплинга, которого многие считали и считают выразителем английского духа. В своем знаменитом стихотворении «Баллада о Востоке и Западе» он утверждал, что между ними есть принципиальное качественное отличие. Ср.: «Запад есть Запад, Восток есть Восток и с мест они не сойдут»), укажем на то, что одной из важных составляющих германского натиска на Запад в период со II в. до н.э. и вплоть до VI в. была банальная жадность. Но затем, присвоив себе все то, что было достигнуто тысячелетними усилиями античной цивилизации, германцы попытались вписать себя в парадигму, базирующуюся на дихотомии Востока и Запада. Эта парадигма первоначально встречается у Геродота (хотя противопоставление восточного и западного у него не несет качественной оценки), а затем, в силу предельной простоты, она нашла и других приверженцев. Не рассматривая подробно развитие этого подхода, укажем лишь, что противопоставление по странам света в духе оппозиции Восток-Запад можно встретить в XVIII веке в трудах Ш. Монтескье, в XIX веке у А. де Токвиля. В XX веке эту тему, в рамках своей теории гидравлических обществ, подробно развивал К. Витфогель [3].

Итак, мы, пытаясь выяснить особенности западной самоидентификации германских народов, выявили два аспекта. Первый оценивается категорией престижа, связанного с достижениями древних греков и римлян. Что касается второго, связанного с самим фактом появления германцев на Западе Европы и результатами их появления, то мы пришли к следующему. Если бы не было гуннов, вполне вероятно, что Запад развивался бы в унисон с Востоком, т.е. в рамках более или менее единого христианского сообщества. Это, возможно, привело бы к большей степени однородности западноевропейского общества, чем та, что мы наблюдаем ныне. Кельтский элемент на Западе Европы был бы выражен значительно сильнее; в особенности это касается Британских островов. В этом смысле колонизационная активность их обитателей, вероятно, привела бы к иным государственным образованиям за океаном с точки зрения аксиологии и телеологии (ценностей и целей), а значит и идентичности.

Правда, можно нюансировать наши выводы и несколько иначе. Особенно, если рассматривать «западничество» в контексте полемики с концепцией геополитической идентичности. С этой точки зрения можно допустить, что западничество, а отсюда и его культ, являются вынужденной идентичностью. И это находит объяснение в том, что несмотря на все попытки германских народов (включая анг-

ло-саксов) утвердиться на Востоке, путь туда им оказался заказан. Все попытки закрепиться там навсегда оказались тщетными. Он так и остался недостижимым светом, о котором до сих пор можно читать в Вульгате: *Ex oriente lux*. И именно из этих обстоятельств и следует исходить при анализе геополитических утверждений о преимуществах прибрежных стран, а также о Римленде и атлантизме, как особых (преимущественных) идентификационных характеристиках. С этой точки зрения истоки европейского западничества следует искать в раннем Средневековье. Когда очутившиеся на пространстве культурного романизованного Запада дикие германские племена должны были создавать новую идентичность, легитимностью которой оказались очень озабочены даже их позднейшие потомки.

В настоящее время, когда к окраинным европейским государствам примкнул, в рамках Евросоюза, целый ряд стран Южной и Центральной Европы, понятие «Запада» стало использоваться иначе, чем прежде, распространяясь в некотором отношении и на неопитов. Таким образом, прежняя варварская «сарматская» Польша, которую германцы никогда не могли в полной мере удержать мечом, стала «Западом» посредством политической кооптации, на которую с радостью пошла современная польская государственная элита. То же самое можно отнести и к некоторым другим странам, руководство которых полагает, что новая идентичность чуть ли не сама по себе решит все существующие у них проблемы. К разряду курьезов можно отнести новейшее приобщение к «Западу» и к «Европе» такой страны, как Греция. Страной нынешнего (германо-романского) Запада она стала в 1981 г. после вхождения в ЕЭС. При этом оппозиция «Европа-Азия» получила широкое распространение после знаменитого труда грека Геродота. В нем под Европой подразумевалась прежде всего Греция, а дикое атлантическое побережье рассматривалось лишь как возможное поле колонизационной активности эллинских полисов. Другая оппозиция «Запад-Восток» появилась около семисот лет спустя в связи с новым делением Римской империи. При этом если «Востоком» назывались различные, но вполне конкретные, территории Азии, то другой член оппозиции лишь подразумевался. В неявной форме под Западом подразумевалась Греция с Константинополем и Италия с Римом. Британия, Галлия и Испания, не говоря уж о совсем первобытной в то время Германии, могли бы найти параллели лишь с позднейшим американским понятием «Дикий Запад».

Из этого следует, что в сфере международных наук понятие «западных стран» является не вполне научным. Но полностью отбрасывать его также не стоит, это будет непродуктивно. По сути, современное европейское западничество является идентификационной претензией на греко-римское политическое наследие. В этом смысле оно концептуально близко идентификационной парадигме русского старца Филофея «Москва — третий Рим», которая также теоретически обосновывала притязание России на политическое первенство в большей части территорий, некогда контролируемых Римской империей. Поэтому для целого ряда случаев внешнеполитического соперничества Евросоюза и России описание их с позиций или в терминах оппозиции «Запада» и «Востока» если и не будет вполне научным, то может быть достаточно инструментальным.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Die Reden Kaiser Wilhelms II. Bd. 2: 1896—1900 — Leipzig.
- [2] Jordan. De Gothorum origine et rebus gestis, XXI.
- [3] Wittfogel K.A. Die hydraulische Gesellschaft und das Gespenst der asiatischen Restauration. Gespräch mit K.A. Wittfogel // Greffrath M. Die Zerstörung einer Zukunft. Gespräche mit emigrierten Sozialwissenschaftlern — Frankfurt am Main 1989.
- [4] Карсавин. Философия истории. — СПб., 1993.
- [5] Слово о Полку Игореве // Сиповский В.В. Историческая хрестоматия по истории русской словесности. Томъ I. — Вып. 2. (Русская литература съ XI до XVIII в.). — СПб., 1908.

INTERNATIONAL ASPECT OF THE EUROPEAN WESTERNISM PHENOMENON

A.V. Shabaga

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the problem of upbringing and development of the European Westernize ideology as one of polyidentification bases of the West European historical subjects. Thus identity of the historical subject is considered in a paradigm of a social window according to which society transition from one social continuum to another is carried out by means of eventual possibilities realized choice based on mental space construction.

Key words: Westernism, Europe, identity, historical subject, social window.